Slavica Wratislaviensia CLXVII • Wrocław 2018 • AUWr No 3838

DOI: 10.19195/0137-1150.167.15

MARTA ŁUKASZEWICZ
Uniwersytet Warszawski, Polska

Мотив смерти в позднем творчестве Николая Лескова

Как отмечают многие исследователи наследия Николая Лескова, писатель в своем творчестве уделял много внимания моменту смерти героев, видя в нем самый великий подвиг, наиболее полно раскрывающий характер и личность человека[1]. Поэтому описания последних минут жизни персонажей его произведений столь разнообразны и насыщены, а умирающие представлены не пассивными, а, как бы это парадоксально ни звучало, действующими, совершающими акт перехода от земной жизни к какой-то другой реальности[2]. Наглядным примером является здесь, в частности, изображение смертей троих героев хроники *Соборяне* (1872), соответствующих характеру каждого из них. Так, о. Савелий Туберозов до последней минуты выступает защитником и свидетелем правды, бунтарем, требующим справедливости; воинственный дьякон Ахилла в агонии борется с воображаемым „огнелицым" врагом; а смиренный о. Захария „тихо уснул во время самого богослужения"[3] на праздник Пасхи.

Мотив смерти присутствует на протяжении всего творческого пути Лескова, но особенно часто появляется в последние годы жизни, когда писатель серьезно болел и уже внутренне готовился к собственной кончине, а также в связи с уходом из мира многих родственников и знакомых. Он неоднократно обращался к теме смерти и в письмах к близким, высказывая

[1] И. К. Шперрле, *Николай Лесков: смерть и возрождение. „Нет ничего лучше смерти, но для того, чтобы начать новую жизнь"*, [в:] *Sciences and humanities: современное гуманитарное знание как синтез наук. Лесковский палимпсест*, т. 7, Санкт-Петербург 2006, с. 201; А. Л. Волынский, *Н. С. Лесков*, [в:] А. Волынский, А. Измайлов, *Н. С. Лесков: классик в неклассическом освещении*, Санкт-Петербург 2011, с. 64.

[2] Там же, с. 202.

[3] Н. С. Лесков, *Соборяне*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 11 т.*, т. 4, Москва 1957, с. 319.

© for this edition by CNS

убеждение в том, что смерть является необходимой, органической частью земного существования, способом обновления и преображения жизни. Тем не менее, самый процесс умирания был в восприятии Лескова трудным, мучительным и вызывающим страх[4].

Понимание смерти как перехода в какое-то новое состояние связано в размышлениях писателя также с идеей посмертной жизни, в которую он верил, однако саму ее форму представлял довольно неопределенно, выдвигая разные предположения: „духовная постать”[5], „прежнее достояние жизни бестелесной”[6], но также многократное „проявление духа в иных условиях действительности”[7] (метемпсихозис) и духовное возрождение умершего в памяти людей, когда он становится для них вдохновляющим стимулом, образцом.

Несмотря на эти расплывчатые и неточные формулировки, представления писателя о жизни и смерти близки прежде всего к христианскому мировоззрению. Как отмечает Ирмхильд Христина Шперрле, высказывания Лескова о тесной связи между жизнью и смертью, необходимости умереть для того, чтобы затем возродиться, перекликаются со словами пасхального тропаря: „Христос воскресе из мертвых, **смертию смерть поправ** и сущим во гробех живот даровав”[8]. Преодоление смерти, победа над ней, возможны только через личное приобщение к ней.

Наряду с размышлениями Лескова на тему смерти, содержащимися в переписке, ее художественное изображение появляется и в ряде произ ведений последних лет. С одной стороны, смерть может быть представлена в них почти натуралистично, как жестокое, связанное со страданием разрушение тела. С такой трактовкой мы имеем дело, например, в рассказе *Антука* (1888) или повести *Юдоль* (1893), где акцентируется телесная сторона смерти. Так, в первом произведении повешенный Якуб „помаленьку сучился на вожжах, и глаза от носа в раскос шли, а лицо, представьте себе, оплевалось”[9], и именно эта картина встает потом перед рассказчиком, когда он задумывается о собственной смерти: „всякий раз ясно вижу перед собою это… как у них были глаза… оба к носу… и темя шевелилось”[10]. Такие же физиологические детали отмечены и в *Юдоли*: „он лежал не дыша,

[4] И. К. Шперрле, *Николай Лесков…*, с. 204.

[5] Н. С. Лесков, *Письмо А. К. Чертковой, 2 марта 1891*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 11 т.*, т. 11, Москва 1958, с. 577.

[6] Н. С. Лесков, *Письмо к Н. С. Лесковой (в монашестве Геннадия)*, *19.06.1894*, [в:] И. К. Шперрле, *Николай Лесков…*, с. 204.

[7] Н. С. Лесков, *Письмо к М. О. Меньшикову*, *18.02.1894*, [в:] И. К. Шперрле, *Николай Лесков…*, с. 205.

[8] I. C. Sperrle, *The Organic Worldview of Nikolai Leskov*, Evanston 2002, с. 50. [Жирный шрифт наш. — М. Ł.]

[9] Н. С. Лесков, *Антука*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 12 т.*, т. 5, Москва 1989, с. 346.

[10] Там же, с. 349.

© for this edition by CNS

с закатившимися под лоб глазами и с окровавленным ртом, из которого торчал синий кусочек закушенного зубами языка”[11]; „на губках у дитяти что-то запенилось, и затем все вылилось вон, а в горлышке что-то щелкнуло и в животике забурчало”[12]; „Мальчик лежал ниц, замирал в тихих, но сильных содроганиях и захлебываясь собственною горячею кровью, которая лилась из раны прямо в шапку и, наполняя ее, быстро задушила его через рот и ноздри”[13].

Общей чертой этих изображений является акцентирование физиологических признаков смерти, в целом представленных как уродливые и вызывающие отвращение. Обратим внимание и на едва ли не медицинскую точность описания, с которой связана и некоторая механистичность образов умирающего тела, как бы отделенного от души и подверженного лишь законам биологии. Возможно, что такой подход к изображению смерти имел биографическую основу, а именно — опыт службы в уголовной палате Орловского суда и Киевском рекрутском присутствии в 1847–1857 годах. Отметим также, что в 1860 году Лесков напечатал пять статей в журнале „Современная медицина”, затрагивая в них со знанием дела вопросы социальной гигиены и здоровья.

С другой стороны, в ряде своих поздних произведений Лесков, наоборот, уходит от описания телесных признаков смерти, одухотворяя ее и изображая как переход от земной жизни к миру высшему, небесному. Таким образом она представлена, в частности, в легендах *Скоморох Памфалон* (1887) и *Прекрасная Аза* (1888): „сквозь опущенные веки Ермий видит, что скоморох не только сияет, но воздымается вверх все выше и выше — взлетает от земли на воздух и несется прямо к пылающей алой заре”[14]; „когда отверженная египтянка лежала больная «в малой хлевине», туда к ней среди ночи вошли «два светлые мужа» и одели ее в белые «крестильные ризы». В них и осталось на земле мертвое тело Азы, а живой дух ее отлетел в обитель живых”[15]. Эта тенденция присутствовала и в более ранних произведениях Лескова, например, в упомянутых в начале статьи *Соборянах* или в повести *На краю света* (1875). В то же время данный способ изображения смерти — „духовный” — можно назвать комплементарным по отношению к первому, „телесному”. Они являются художественным выражением антропологического дуализма, подчеркивающего противоположность души и тела, что особенно заметно в последней из вышеприведенных цитат.

---

[11] Н. С. Лесков, *Юдоль*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 11 т.*, т. 9, Москва 1958, с. 224.

[12] Там же, с. 243.

[13] Там же, с. 257.

[14] Н. С. Лесков, *Скоморох Памфалон*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 11 т.*, т. 8, Москва 1958, с. 230.

[15] Н. С. Лесков, *Прекрасная Аза*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 11 т.*, т. 8, Москва 1958, с. 302.

© for this edition by CNS

Особенное значение мотив смерти приобретает в повести *Заячий ремиз*, написанной в 1894 году, но, по цензурным соображениям, опубликованной лишь в 1917 году. Он буквально пронизывает все произведение: умирают по очереди старый Опанас Опанасович Перегуд, отец и мать главного героя, священник о. Маркел, архиерей и, наконец, сам Оноприй Перегуд. При этом способ описания смерти и посмертной судьбы каждого из них, включая использованный для этого язык, соответствует мировоззрению персонажей и тому, как они провели свою земную жизнь. Так, Опанаса Опанасовича, насилием и обманом закрепостившего казаков из села Перегуды и собравшего неправедно большое имущество, в последние дни жизни беспокоят яркие видения ада и воздушных бесов: „Перегуд видел, как они, восшумев своими перепончатыми крылами хуже, як літучи мыши, схопят его за чуб и поволокут в ад, а другие будут подгонять сзади огненными прутьями..."[16]. Народный характер этой картины (бесы в виде летучих мышей, огненные прутья) подчеркивается использованием украинизмов. В свою очередь, отец Маркел, „страшенный хозяин и превеликий хитрец"[17], дававший деньги взаем под высокий процент, „внезапно окончился скорописною смертию, як раз над своею раскрытою кубышкою, где содерживал свои гроши"[18]. Смерть застает героя за его обычным занятием, отражающим страсть к обогащению, а ее „скорописность" (т. е. скоропостижность) позволяет предполагать, что он не успел покаяться в этом грехе. Наоборот, о простодушной и набожной матери главного героя сказано словами церковных заупокойных богослужений, что она „последовала за моим родителем туда же, где нет ни печали, ни воздыхания, а одна только жизнь бесконечная, какая кому по его заслугам"[19].

Своеобразным является способ упоминания о смерти архиерея — человека, соединявшего в себе глубокую веру, тягу к философии и бурсацкий практицизм („по натуре своей одновременно богослов и реалист"[20]). Говоря о его кончине, рассказчик сочетает в одном предложении слова и выражения, принадлежащие к разным стилистическим регистрам: „он уже в то время отыде к отцам, или, просто сказать: «дав дуба»"; „бодро отошел до вічного придела"[21]. Такое сочетание церковнославянской и разговорной лексики является особенностью речи представителей духовного сословия,

[16] Н. С. Лесков, *Заячий ремиз*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 11 т*., т. 9, Москва 1958, с. 507.

[17] Там же, с. 512.

[18] Там же, с. 538.

[19] Там же, с. 535. Ср. заупокойный кондак: „Со святыми упокой, Христе, души раб Твоих, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная" (*Последование панихиды*, Православное богослужение, https://azbyka.ru/bogosluzhenie/trebnik/treb16.shtml [дата обращения: 24.08.2017]).

[20] Н. С. Лесков, *Заячий ремиз*..., с. 521.

[21] Там же, с. 541.

© for this edition by CNS

но в данном случае оно еще и подчеркивает указанную выше двойственность личности архиерея. Важным является и его спокойное отношение к смерти, восприятие ее как неизбежного этапа человеческой жизни: „он помер бестрепетно со словами, из коих видно было, что он разумел себя за «олицетворенную идею», по воле Бога, который «сам нас одушевляет, кормит, распоряжает, починяет и опять разбирает»”[22]. Стоит отметить, что позиция архиерея оказывается довольно близкой охарактеризованным выше представлениям самого Лескова.

Особое место занимает мотив смерти в судьбе главного героя, Оноприя Перегуда. В данном случае мы имеем дело не только с ее буквальной трактовкой, но и переносной, духовной, причем во втором случае смерть оказывается неразрывно связанной с преображением, переменой, своего рода воскресением к новой жизни. Так, Оноприй, свалившийся в овраг во время ночной грозы, затем шесть недель пребывавший в опасной горячке, благодаря заботам учительницы Юлии Семеновны и предводителя дворянства, князя Мамуры, выздоровел и был вырван „из жадных челюстей смерти”[23]. При этом, пребывая в беспамятстве, он пережил опыт некоторой „иной жизни”, которая сначала показалась ему христианским раем, а затем — царством мертвых из древнегреческих представлений или результатом превращения, подобного описанным в *Метаморфозах* Овидия. Само это место представлено, однако, как вполне обычная, уютная комната, освещенная „ласковым светом” лампы с зеленым абажуром, что для Лескова ассоциировалось с домашней идиллией[24]. Результатом такого пограничного переживания становится перемена главного героя, его своего рода воскресение к новой жизни: тихой, спокойной, лишенной нервного поиска „врагов империи” и „потрясователей”, стремления к почестям и наградам. Оноприй Перегуд обретает смысл жизни в служении другим, хотя в повести оно представлено в сниженном и комическом ключе, т.к. герой попадает в сумасшедший дом и занимается там вязанием чулков для его обитателей.

„Переворот понятий”, о котором говорит сам герой, сопоставлен в повести с мотивом смерти и воскресения также благодаря замечанию предводителя дворянства, который упоминает слова философа Григория Сковороды из *Книжечки, называемой Silenus Alcibiadis* (1776): „И тогда ж зачинается цыпленок, когда портится яйцо”[25]. Эти слова, так же, как использованный Федором Михайловичем Достоевским в качестве эпиграфа к *Братьям Карамазовым* (1880) стих из Евангелия от Иоанна „если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много

[22] Там же, с. 541.

[23] Там же, с. 580.

[24] А. Н. Лесков, *Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям*, т. 2, Москва 1984, с. 97–98.

[25] Г. С. Сковорода, *Книжечка, называемая Silenus Alcibiadis, сиречь Икона Алкивиадская (Израильский змий)*, [в:] его же, *Сочинения в двух томах*, т. 2, Москва 1973, с. 17.

© for this edition by CNS

плода" (Ин 12, 24), содержат христианскую идею о необходимости полного отрешения от старой, греховной жизни для того, чтобы заново родиться для жизни новой. Это новое рождение может реализоваться как посредством крещения, которое апостол Павел в Послании к римлянам сопоставлял со смертью и воскресением („мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни", Рим 6,4), так и через покаяние. В православной традиции его называют также словом „метанойя", т. е. перемена ума, что можно соотнести с упомянутым Ономприем Перегудом „переворотом понятий".

После метафорической смерти, связанной с отказом от старой жизни и началом новой, наступает и физическая смерть героя, которая также происходит во время ночной грозы. Она названа рассказчиком „великолепной", т. к. Ономприй к ней подготовлен: он „исполнен лет и доброго желания совершить «всякое животное благоволение»"[26], просветлен верой в возможность лучшей жизни, состраданием к людям и животным, и „готов оторваться от стебля, как созревшая ягода"[27]. Праведная концовка жизни дает ему примирение с неизбежностью покинуть этот мир, что особенно подчеркнуто его сопоставлением с другими жителями сумасшедшего дома, на которых гроза наводит ужас. Смерть связывается в их представлении с образом телесного разрушения: белых костей, холодной и темной могилы, кладбища, в то время как для Перегуда — это уход „в шатры Симовы"[28], в желанное место, где можно отдохнуть от неправедности и страданий этого мира, где человек сам себя узнает, „куда не придет угнетатель, и […] где угнетенный не ищет быть ничьим господином"[29]. Такое отношение к смерти названо победой над ней, в смысле преодоления страха, который обычно сопровождает человека при мысли о собственной кончине.

Уход Перегуда в иной мир изображен как торжественное событие: он совершается во время ночной грозы, герой в последний момент пытается реализовать свою великую, хотя и сумасшедшую идею печатать на небе человеческие мысли о необходимости отказаться от насилия и не убивать животных, и для этого прислоняет к окну огромные буквы Г и Д, обозначенные в тексте их старославянскими названиями „Глаголь" и „Добро"[30]. Можно сказать, что такое изображение смерти в последнем произведении Лескова является художественным выражением надежды писателя на возможность

[26] Н. С. Лесков, *Заячий ремиз*..., с. 589.

[27] Там же, с. 589.

[28] Там же, с. 591.

[29] Там же, с. 591.

[30] Как отмечает Алла Новикова-Строганова, соединенные вместе, эти два слова образуют призыв „глаголь (т. е. возвещай) добро" (А. Новикова-Строганова, *Вознести сына человеческого: прощальная повесть Н. С. Лескова „Заячий ремиз"*, „Сибирские огни" 2013, № 3, http://magazines.russ.ru/sib/2013/3/n13-pr.html [дата обращения: 21.08.2017].

© for this edition by CNS

„христианской кончины […] безболезненной, непостыдной, мирной”[31]. Повесть была завершена в ноябре–декабре 1894 года[32]; 21 февраля 1895 года писатель скончался во сне, а на его письменном столе, по свидетельствам некоторых мемуаристов[33], остался Новый Завет, раскрытый на словах из Второго послания апостола Павла коринфянам: „Знаем, что когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворный, вечный…” (2 Кор 5,1).

Библиография

Волынский А. Л., *Н. С. Лесков*, [в:] А. Волынский, А. Измайлов, *Н. С. Лесков: классик в неклассическом освещении*, Санкт-Петербург 2011.

Лесков А. Н., *Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям*, т. 2, Москва 1984.

Лесков Н. С., *Собрание сочинений в 12 т.*, т. 5, Москва 1989.

Лесков Н. С., *Собрание сочинений в 11 т.*, Москва 1956–1958.

Новикова-Строганова А., *Вознести сына человеческого: прощальная повесть Н. С. Лескова „Заячий ремиз”*, „Сибирские огни” 2013, № 3, http://magazines.russ.ru/sib/2013/3/n13-pr.html

Новикова-Строганова А., *Живое стремление к правде*, Русская народная линия, http://ruskline.ru/analitika/2011/03/05/zhivoe_stremlenie_k_pravde/.

Последование панихиды, Православное богослужение, https://azbyka.ru/bogosluzhenie/trebnik/treb16.shtml.

Сковорода Г. С., *Книжечка, называемая Silenus Alcibiadis, сиречь Икона Алкивиадская (Израильский змий)*, [в:] его же, *Сочинения в двух томах*, т. 2, Москва 1973.

Шперрле И. К., *Николай Лесков: смерть и возрождение. „Нет ничего лучше смерти, но для того, чтобы начать новую жизнь”*, [в:] *Sciences and humanities: современное гуманитарное знание как синтез наук. Лесковский палимпсест*, т. 7, Санкт-Петербург 2006.

Sperrle I. C., *The Organic Worldview of Nikolai Leskov*, Evanston 2002.

The motif of death in Nikolai Leskov's late works

Summary

The paper discusses the meaning of the motif of death in Nikolai Leskov's works, especially those written in the last eight years of his life. The presence of two opposing representations is indicated: on the one hand, the death is depicted with emphasis on physiological processes which

[31] Слова просительной ектении, исполняемой во время большинства православных богослужений.

[32] А. И. Груздев, С. И. Груздева, *Комментарии: Н. С. Лесков. Заячий ремиз*, [в:] Н. С. Лесков, *Собрание сочинений в 11 т.*, т. 9, Москва, с. 642.

[33] А. Новикова-Строганова, *Живое стремление к правде*, http://ruskline.ru/analitika/2011/03/05/zhivoe_stremlenie_k_pravde/ [дата обращения: 21.08.2017].

© for this edition by CNS

accompany it; on the other, it is described as a spiritual transition from the earthly to heavenly life. These two completely different approaches seem to originate in Leskov's ambivalent attitude towards death: the writer believed that it was not the absolute end of life but, at the same time, he was afraid of the very process of dying. The examined issues are particularly visible in Leskov's last work, *The Rabbit Carriage*, where one can find numerous and varied descriptions of characters' death, as well as the spiritual transformation of the main hero, also presented by the concepts of death and resurrection.

Keywords: Nikolai Leskov, death, resurrection, physiology, transformation

Motyw śmierci w późnej twórczości Nikołaja Leskowa

Streszczenie

W artykule omówione zostało znaczenie motywu śmierci w twórczości Nikołaja Leskowa, ze szczególnym uwzględnieniem sposobu jej przedstawienia w utworach ostatnich ośmiu lat życia pisarza. Wskazano przy tym na obecność dwóch przeciwstawnych jej wyobrażeń: z jednej strony śmierć może być opisywana z podkreśleniem towarzyszących jej procesów fizjologicznych, z drugiej zaś — jako duchowe przejście od życia ziemskiego do niebiańskiego. Te dwa różne podejścia wydają się zakorzenione w ambiwalentnym stosunku Leskowa do śmierci — pisarz wierzył, że nie jest ona bezwzględnym końcem życia, obawiał się jednak samego procesu umierania. Szczególnie wyrazista ilustracja badanego zagadnienia znalazła się w ostatnim utworze Leskowa, opowieści *Igranie z bałwanem*, w której mamy do czynienia z licznymi i różnorodnymi opisami śmierci postaci, a także z duchową przemianą głównego bohatera, przedstawioną przy zastosowaniu słownictwa związanego ze śmiercią i zmartwychwstaniem.

Słowa kluczowe: Nikołaj Leskow, śmierć, zmartwychwstanie, fizjologia, przemiana

© for this edition by CNS